

Министерство культуры Саратовской области
Управление по историко-культурному наследию
Саратовский государственный университет
Саратовский областной музей краеведения
Энгельсский краеведческий музей

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ЮЖНОГО ПОГРАНИЧЬЯ ЕВРОПЫ И АЗИИ

*Материалы международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения И.В.Синицына
14 - 18 мая 2000 года.*

Саратов - Энгельс

Саратов 2000

Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И.В.Синицына, Саратов – Энгельс, 2000. - 292 с., ил.

Конференция посвящена 100-летию со дня рождения видного российского археолога проф. И.В. Синицына (1900 - 1972), проводившего масштабные работы в Поволжье, Калмыкии, Западном Казахстане.

В сборнике представлены материалы конференции, освещающие проблемы развития и контактов древних обществ от каменного века до средневековья на сопредельных территориях юга Восточной Европы, а также ряд актуальных проблем археологии и смежных дисциплин.

Редакционная коллегия:

Е.К.Максимов, А.И.Юдин, И.И.Дремов

Конференция проведена при финансовой поддержке
Министерства культуры Саратовской области
и Российского гуманитарного научного фонда
.(“Волга”, грант № 00-01-35002 Г/В)

гиона. Таким образом, границы степных культур в разные времена проходили в пределах региона либо с запада, либо с востока, что не может свидетельствовать о специфике данной территории в зоне степей. Природно-климатические условия подтверждают данное обстоятельство. Волго-Уралье оказалось как бы на климатическом переломе степной полосы, разделяя ее восточноевропейское и азиатское крыло. Учитывая культурную специфику рассматриваемого пространства на протяжении длительного времени, можно обозначить его как Волго-Уральскую культурно-историческую провинцию.

Р.А.Литвиненко (Донецк)

О ПОЯВЛЕНИИ КМК В БАССЕЙНЕ НИЖНЕГО ДОНА

Обозначенная в заглавии тема впервые была затронута около четверти века назад в ходе выявления и начального этапа изучения памятников КМК в Нижнем Подонье. Тогда С.Н.Братченко (1976: 117-118) предложил рассматривать возникновение КМК как составную часть всеобщего для Восточной и Центральной Европы процесса смены шиурового горизонта памятников культурами с рельефной орнаментацией посуды. Образование КМК в степной зоне, в т.ч. на Нижнем Дону, связывалось с распространением здесь в позднекатакомбный период и ставших доминирующими в новой культуре лесостепных катакомбных элементов, среди которых особая роль отводилась харьковско-воронежским (среднедонским), рассматривавшимся в качестве генетической подосновы (Братченко, 1977: 31-32, 35-36; 1985: 457). Однако установление генетических истоков автор не смешивал с вопросами формирования и распространения КМК на всем ее ареале, допуская в последнем случае и процессы миграции (Братченко, 1977: 35; 1985: 457-458).

Появление уже сложившейся КМК на Нижнем Дону Э.С.Шарафутдинова (1978: 80-81) первоначально объясняла распространением соответствующего населения со Среднего Дона, где культура сформировалась раньше и откуда была вытеснена абашевскими племенами. В дальнейшем автор переместила область сложения КМК из Среднего Подонья на Донецчину и Орель-Самарское междуречье. С учетом более поздней хронологии многоваликовых памятников Нижнего Дона и отсутствия типологической связи их керамики с местной катакомбной посудой, нижнедонская КМК была определена как пришлая и исходным ареалом для нее обозначена лесостепная Левобережная Украина (Шарафутдинова Э., 1989: 134; 1990: 39).

Следует заметить, что до недавнего времени КМК Нижнего Подонья рассматривалась территориально не дифференцированно, т.е. подчиненно физико-географическому районированию, что на стадии выявления куль-

туры, накопления источников и начального этапа их изучения было вполне оправданным. Однако, как показывает практика, географические зоны, в т.ч. бассейны рек, и культурные ареалы совпадают далеко не всегда или не полностью, что подтвердилось и в нашей ситуации. В частности, при определении восточных и северо-восточных пределов КМК, очерчиваемых сейчас Доно-Волжским междуречьем и бассейнами средних - нижних течений донских левобережных притоков - Тулучеевки, Медведицы, Иловли, выявилось, что в этих районах культура представлена памятниками исключительно среднего (промежуточного по Э.С.Шарафутдиновой) этапа (Шарафутдинова, 1996: 56-57; Литвиненко, 1996: 67). Одновременно с этим нам удалось определить и границы исходного (первичного) ареала КМК, в котором культура сформировалась и существовала на раннем этапе: территория между бассейном Северского Донца, Днепром и Азовским морем с включением низовий Дона (Литвиненко, 1996: 67, 70-71, рис. 2). Полученные результаты и собранная на тот момент источниковая база позволили вскоре провести работу по исследованию динамики расселения племен КМК в бассейне Нижнего Дона, в которой мы исходили из прошлого характера культуры на этой территории. Поэтому в заселении региона было выделено три этапа, в целом отражающих процесс миграции носителей КМК сначала в восточном направлении к Волге, а потом обратно - на запад и юго-запад. Появление самых ранних памятников КМК (I этапа) на Нижнем Дону мы связали с продвижением населения из Северо-Восточного Приазовья (Литвиненко, 1998). Впрочем, наличие достаточно выраженного массива ранних памятников в низовьях Правобережного Дона; приблизительно до устья Северского Донца, можно интерпретировать и как включение этой территории в область первичного ареала культуры, в качестве его восточной периферии. На Нижнедонском Левобережье, в низовьях Сала и Маныча, племена КМК появились, видимо, в конце раннего этапа, поскольку исследованные здесь погребения содержат только позднюю разновидность кольцевых пряжек - с плоским основанием, односторонневыпуклым и усеченноконическим сечением (ранние кольцевые экземпляры с двусторонневыпуклым линзовидным сечением здесь пока неизвестны).

Накопленный к настоящему времени материал подтверждает правильность предложенной С.Н.Братченко схемы относительной хронологии различных катакомбных групп, КМК и поздних северокавказских памятников (ливенцовских) Нижнего Дона, хотя составлена она была при явном дефиците стратиграфических свидетельств соотношения многоваликовых памятников с позднекатакомбными и северокавказскими (Братченко, 1976: 132-133). Впрочем, если следование ранних погребений КМК за бахмутскими и манычскими катакомбными зафиксировано в Нижнем Подонье и сопредельных территориях уже неоднократно (Писларий, 1983: 16; Шарафутдинова Э., 1987: 28-29; Санжаров, 1991: 16; Вангородская, Санжаров,

1991: 232-233; Гершкович, 1986: 137-138; Гершкович, Сердюкова, 1991: 161-162; и др.), то новых данных о хронологическом соотношении КМК с ливенцовской группой памятников не появилось, как и остаются неизвестными могильники последней.

В последнее время в различных регионах катакомбного мира исследователи выделяют памятники финального этапа культуры или т.н. переходного типа, в т.ч. переходные катакомбно-многоваликовые (Пустовалов, 1979; Братченко, 1991: 62; Николова, Бунятян, 1991: 135; и др.). Очевидно, возникновение и исчезновение этих финальнокатакомбных групп было неодновременным (Братченко, 1985: 418; Гей, 1991: 163). Об этом, кроме всего прочего, свидетельствует и несинхронность появления КМК на всей территории своего распространения, которая **при этом** даже не полностью перекрывала ареал предшествующих катакомбных культур. Поэтому выделение первичного (исходного) ядра КМК в Азово-Днепро-Донецком регионе автоматически ставит вопрос о его культурной периферии и окружении, которое по своему характеру должно быть именно финально-посткатакомбным (сравни: Пряхин, Матвеев, Беседин, 1991: 14; Трифонов, 1991: 166; Гей, 1995: 14; Братченко, 1995: 17, 21), а на северо-западе - постшнуровым.

Такие пережиточно-катакомбные памятники можно выделить и в бассейне Нижнего Дона. Как и в других, периферийных по отношению к ядру ранней КМК, регионах, эти памятники характеризуются изживанием собственно катакомбных традиций, **сочетанием** размытых катакомбных признаков с теми, которые стали определяющими для последующей эпохи: деградация катакомб и превращение их в подбои, распространение ямных конструкций, учащение левобочных положений умерших (для восточных областей катакомбного мира два последних признака являются характерными, а потому в данном случае - **неопределяющими**) нередко спиной ко входной яме, "адоративной" или **типичной для** КМК разнонаправленной позиции рук, частая безынвентарность **могил**. В качестве примеров можно привести серию нижнедонских курганных захоронений: ДОС-II 1/6, Сов. Россия-I 2/4, Аглицкий-I 24/1, Криволиманский-V 1/1, ТЭЦ 5/5, Орловский-I 1/5, Золотые Горки-II 4/26 и др., а также материалы грунтового могильника и кургана, исследованных на площади раскопов II и V Мокро-Чалтырского поселения (Ларенок П., 1998: 116-117). Отсутствие стратиграфии и диагностичного инвентаря нередко затрудняют как культурную атрибуцию, так и определение точной хронологической позиции этих комплексов по отношению к катакомбным и КМК, учитывая выделение в рамках последней нескольких этапов. Однако даже имеющиеся данные весьма показательны.

В серии пережиточно-катакомбных погребений, насчитывающих около полутора десятков комплексов, наиболее представительной является группа из 11 захоронений в подбоях-катакомбах, характеризующихся ори-

ентацией умерших в западный сектор, аналогично ориентировкам раннего горизонта КМК (единичными случаями представлены ориентировки на Ю, В, ССВ). В ряде случаев они планиграфически размещались в группе ранних погребений КМК с западной ориентацией и стратиграфически перекрывали комплексы катакомбной культуры: ДОС-II к.1, Сов. Россия-I к.2. Но наиболее показательны случаи, когда эти погребения стратиграфически достоверно следовали за раннемогильными: Рассвет к.3, Керчик к.4. Очевидно, такие катакомбно-подбойные захоронения следует рассматривать в рамках КМК, что подтверждается не только стратиграфией и обрядовыми признаками, но также инвентарем: в трех могилах находились характерные сосуды (Мокро-Дюдеревский-I 2/4, Керчик 4/25, Гать-III 7/23) и в трех - кольцевые пряжки с бортиком, маркирующие 2-й, средний, горизонт памятников КМК (Мокро-Дюдеревский-I 2/4, Гать-III 7/23, Лозной-I 1/2).

Исходя из того обстоятельства, что для области распространения древнейшей КМК (Азово-Днепро-Донецкий регион) подбойно-катакомбные конструкции не характерны (Литвиненко, 1999), можно предположить, что появление таковых в периферийных регионах отражает результат воздействия ранней КМК на ее позднекатакомбное окружение, в т.ч. в процессе расширения первичного ядра культуры, в ходе которого ее носители появились на Нижнем Дону, а на протяжении следующего этапа продвинулись к востоку до Волги. Показательно, что подбойно-катакомбные могилы КМК сосредоточены только в низовьях Дона, ниже Цимлянского водохранилища, т.е. в зоне предполагаемого первого контакта племен ранней КМК с населением финальнокатакомбной культуры.

Еще более наглядно этот процесс прослеживается в западном направлении расширения ареала КМК - в Степном Поднепровье и Правобережной Украине, где также выявлен пласт переходных катакомбных-КМК комплексов (Пустовалов, 1979). И хотя археологическое проявление этого процесса выглядит в чем-то похоже, содержание и последствия его были, видимо, иными. В отличие от Нижнего Подонья, где нерезиточно-катакомбный элемент выражен слабо, а КМК в целом повторяет культуру степной Левобережной Украины, в Степном Поднепровье и на Правобережье сформировалась культура иного облика. В ее погребальном обряде, в частности, широкое распространение получили подбойно-катакомбные конструкции, южная ориентация умерших и некоторые другие черты, истоки которых уходят в местную катакомбную культурную среду - ингульскую (позднюю днепро-азовскую). Впрочем, ингульский культурный компонент, очевидно, оказал какое-то воздействие (или принял участие) на процесс сложения и т.н. классической КМК Левобережной Украины. Это проявляется, хотя и в частном, однако довольно ярком, признаке - бытовании в среде древнейшей КМК характерного типа посуды - полусферических и плоскодонных чаш ингульского типа (Санжаров, 1991: 13, рис. 3;

1999: 51, 54, 55, рис. 7). Особо подчеркнем, что в КМК Степного Поднепровья-Побужья такие чаши не известны, несмотря на то, что именно здесь сосредоточен основной массив позднекатакомбных памятников ингульско-го типа. Все это, в очередной раз, говорит о сложности процесса культурогенеза, далеко не похожего на простое генетическое вырастание из предшествующего культурного пласта, пусть даже под воздействием внешнего импульса.

Возвращаясь к нижнедонскому бассейну, заметим, что для него, как впрочем и других регионов, актуальной представляется задача выделения финальнокатакомбных древностей, непосредственно предшествующих местным памятникам КМК, и хронологическое сопоставление первых с древнейшим пластом КМК Азово-Днепро-Донецкого региона. От результатов этой работы во многом зависит решение проблем переходного от средней к поздней бронзе периода, в т.ч. сложения и распространения такого культурного феномена, как КМК, а также параллельных ей посткатакомбных и постшнуровых культурных образований.

Г.Г. Пятых (Москва)

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ КАТАКОМБНЫХ И СРУБНЫХ КУЛЬТУР

Во всех дискуссиях о происхождении срубной культуры наиболее ясно сформулированная позиция есть лишь у В.В.Отрощенко. Несогласие с катакомбной генетической линией в происхождении срубной культуры аргументируется им следующим образом.

1. Полтавкинская и катакомбные культуры сменяются предсрубными культурами: абашевской, многоваликовой керамики и новокумакского горизонта, которые и сыграли решающую роль в формировании срубной культуры.

2. Поскольку полтавкинская культура отделена от срубной культурами новокумакского горизонта, то со срубной она не соприкасалась, поэтому сторонники генетической линии от катакомбной культуры к срубной сталкиваются с теми же проблемами, что и сторонники полтавкинской версии (Отрощенко В.В., 1990, с. 108, 111-112).

Для анализа вопроса обратимся к достаточно давно опубликованным фактам, систематизированным в специальных исследованиях.

По О.В.Кузьминой, стратиграфически погребальные раннесрубные и "срубно-абашевские" материалы не разделяются и в курганах "все они основные" (Кузьмина О.В., 1983, с. 7, 13). Аналогичную ситуацию исследовательница констатирует и на поселенческих памятниках. В пользу одновременности срубно-абашевских и раннесрубных погребений О.В.Кузьмина приводит и результаты типологического анализа и вещевого